

В больнице бабушку навещали ежедневно — в основном её бывшие ученики. Цзян Си с малых лет знал, что она выдающийся педагог.

В их доме, когда там ещё жил дедушка, бабушка часто засиживалась за работой до глубокой ночи. Письменный стол вечно скрывался под стопками экзаменационных листов, тетрадей и планов уроков. Школа казалась её настоящим домом, а судьбы учеников заботили её куда больше собственных дел. За обеденным столом то и дело мелькали мальчишки и девчонки в школьной форме; бабушка заботливо подкладывала им еду, окружая почти материнским вниманием.

Цзян Си долго завидовал им. К нему она никогда не проявляла подобной теплоты.

Много раз он ловил себя на мысли, что быть учеником бабушки в тысячи раз лучше, чем её внуком. К ней можно было прийти с любой печалью, она замечала каждую плохую оценку — словом, там ты никогда не чувствовал себя прозрачным.

Когда бабушка заболела, Цзян Си стал проводить в больнице дни напролёт. В часы затишья она либо читала, либо забывалась в тревожном сне. Но даже когда скука становилась невыносимой, она упорно не желала перемолвиться с внуком и словом. Позже Цзян Си нашёл в книгах точное и жестокое определение такого поведения: «холодное насилие». В их семье каждый владел этим искусством в совершенстве.

К счастью, в больнице редко бывало тихо. Каждый день здесь рождались новые истории: суровая реальность переплеталась с почти театральными драмами, стойкость сменялась полным крахом. Здесь плакали навзрыд и рыдали от счастья. В этом многоликом мире здоровье оставалось единственной мольбой, отделяя больничные стены от остального мира.

Постоянно находясь среди пациентов и их родных, Цзян Си перестал удивляться чужим трагедиям. Гораздо больше его занимали люди в белых халатах. Среди них встречались всякие: радушные и строгие, холодные и вечно раздражённые. Но каждый обладал какой-то особой магией: любое их слово могло вмиг изменить человеческую судьбу. Впервые в жизни Цзян Си почувствовал искренний интерес к «взрослым»; он не решался подойти, но постоянно провожал врачей взглядом.

Среди них была одна женщина, которую он знал особенно хорошо. Даже в маске он узнавал её по глазам, которые всегда лучились мягким светом. Это была Тань Юэ, лечащий врач бабушки. После каждого обхода она находила минутку, чтобы перекинуться с мальчиком парой слов, а иногда приносила ему что-нибудь вкусное. Но доктор Тань была вечно занята: разговор редко длился дольше трёх минут, прежде чем её вызывали медсёстры.

В тот день Цзян Си с термосом, полным кипятка, возвращался в палату и снова встретил её в коридоре.

— Ты уже обедал? — спросила Тань Юэ, чуть наклонившись к нему. — Сегодня в столовой давали свиные рёбрышки в кисло-сладком соусе. Успел попробовать?

Цзян Си едва заметно качнул головой.

«Опять этот ребёнок ест не вовремя», — подумала Тань Юэ и, достав из кармана пятьдесят юаней, предложила:

— Слушай, выручишь меня? Сбегаешь за покупками?

Книжный магазин «Утренняя заря» находился неподалёку, и Цзян Си, бывавший там не раз, быстро отыскал нужные доктору Тань цветные ручки. Она сказала, что сдачу он может оставить себе «за труды». Мальчик колебался: с одной стороны, хотелось отложить эти деньги, с другой — сумма казалась слишком большой за обычную прогулку.

— Чёрт, да поторапливайся ты уже! Ты кисть выбираешь или жену?

— Да что ты понимаешь! У каждой кисти своё назначение, а я забыл, какого размера мне не хватает.

— Ты голову дома забыл, вот что!

— Цзян Чжоу, какой же ты зануда!

У кассы владелец магазина отсчитывал сдачу. Услышав знакомое имя, Цзян Си невольно вздрогнул, и монеты выскользнули из его пальцев. С мелодичным звоном они покатались по полу.

Мальчик поспешно присел, чтобы их собрать, и вдруг услышал весёлый смех:

— Опа! Деньги сами к ногам катятся! Не иначе я сегодня любимчик бога богатства!

Цзян Си невольно улыбнулся.

Спрятав оставшиеся купюры в карман, он пошёл на голос, петляя между рядами с рюкзаками. В отделе художественных принадлежностей, рядом с наборами красок, стоял высокий красавец в красной футболке.

Цзян Си просиял: это был тот самый парень.

Он подошёл ближе и протянул руку:

— Это моё.

Цзян Чжоу, подбрасывая на ладони монету, поднял взгляд.

— Цзян... Цзян Си! — узнав его, парень широко улыбнулся, но тут же сжал кулак, решив подразнить мальчишку. — А кто сказал, что это твоё?

В обычное время Цзян Си дорожил каждым медяком, но сегодня, почувствовав себя «богачом» благодаря деньгам доктора Тань, он решил не мелочиться из-за одного юаня.

— Ну, тогда пусть будет твоё, — ответил он.

— Ого, какая щедрость, — усмехнулся Цзян Чжоу.

Цзян Си ещё в прошлый раз заметил маленькую чёрную родинку у него на левой скуле. Когда тот улыбался, родинка забавно приподнималась вместе с щекой. Видеть его в таком настроении было приятно, и Цзян Си решил, что никакие деньги не стоят этой искренней улыбки.

Приятель Цзян Чжоу, так и не решив проблему выбора, скупил кисти всех размеров.

— Эх, если бы я мог, как ты, одной кистью весь мир покорить... Кстати, что это за милый ребёнок?

Цзян Си, мгновенно утратив образ «богача», привычно опустил голову.

— Мой друг, — ответил Цзян Чжоу. Заметив смущение мальчика, он обратился к приятелю: — Слушай, отпроси меня на вторую половину дня.

— Опять? Лао Чжоу с тебя шкуру спустит. Ну, бывай! — Приятель помахал им рукой и ушёл.

Цзян Си немного расслабился и спросил:

— Слушай, а как ты... как ты оказался в посёлке Чжу?

— Называй меня «брат Цзян», — парень легонько хлопнул его по макушке. — Я здесь на пленэре. Тут неподалёку есть достопримечательность со старыми домами.

— А, я знаю, это Западная деревня, — кивнул Цзян Си. — Ты с друзьями приехал?

— Нет, от художественной школы. Нас тут человек сорок с учителем, приехали на неделю. — Цзян Чжоу всё ещё вертел в пальцах ту самую монету. Встреча с мальчиком стала для него сюрпризом, а их непринуждённая беседа — тем более. Впрочем, этот сюрприз ему нравился. Даже возникло чувство, будто он может загладить вину за то, что в прошлый раз сорвал ребёнку планы.

— Пойдём, брат Цзян тебя накормит, — предложил он.

— А? — Цзян Си замер, польщённый таким вниманием. — С чего бы это?

— Так я же присвоил твои деньги, — Цзян Чжоу подбросил монету в воздух, ловко поймал её и спрятал в карман. — Так что с меня роскошный обед.

Сказав это, «молодой господин Цзян» вдруг вспомнил о суровой реальности. Он украдкой глянул баланс в телефоне, пошарил в кармане и почувствовал, как сердце уходит в пятки. «Твою же мать...»

Как теперь выкрутиться, не ударив в грязь лицом? Вчера на кураже он спустил всё на донаты в игре, безналичная оплата стала недоступной роскошью, а в кармане осталось...

Сжимая в руке жалкие купюры, Цзян Чжоу откашлялся и осторожно уточнил:

— Слушай, а есть у вас тут... ну, роскошный обед за двадцать юаней?

Он уже готов был добавить, что сегодня мы «перекусим на скорую руку», но Цзян Си серьёзно кивнул:

— Есть.

— Серьёзно? — удивился Цзян Чжоу.

— Да, — подтвердил Цзян Си. — Лепёшки «Шаби»...

— Эй, не смей ругаться! — Цзян Чжоу шутливо щёлкнул его по лбу. — Такому милому ребёнку сквернословить не к лицу!

— Да я не ругаюсь... — Цзян Си потёр лоб, выглядя совершенно незаслуженно обиженным.

Объясняться он не стал, а просто повёл Цзян Чжоу за собой. Они петляли по улицам,

пробираясь сквозь ряды лоточников, пока не наткнулись на тележку с яркой жёлтой вывеской, на которой красовалось: «Лепёшки Шаби».

— Ха-ха! — Цзян Чжоу едва не согнулся пополам от смеха. — «Шаби»! Ну и хозяин, вот уж безумец! Назвать так заведение — это надо быть по-настоящему смелым!

Цзян Си стоял рядом и просто смотрел, как тот хохочет. Насмеявшись вдоволь, Цзян Чжоу взлохматил ему волосы:

— Извини, зря я на тебя наехал. Вкусные хоть лепёшки?

— Очень. Но дорогие — шесть юаней за штуку, — ответил мальчик. Сам он их никогда не пробовал, но по одному только запаху знал, что они божественны.

Цзян Чжоу купил две и понял, что цена вполне оправдана. Каждая размером с крышку от кастрюли, да ещё и увесистая. Внутри — начинка из сушёной зелени и рубленого мяса. Пахли они потрясающе, но оказались жестковаты. Зубам пришлось несладко.

Глядя на Цзян Си, который сосредоточенно грыз свою лепёшку, присев у дороги, Цзян Чжоу почувствовал укол совести. Обычно он кутил с размахом, шумно и весело, пусть не за изысканными яствами, зато с огоньком. А тут — в такую жару заставил ребёнка жевать сухую корку на обочине. И это он называл «компенсацией».

Он потянул мальчика за руку, заставляя подняться:

— Пить хочешь?

Цзян Си проглотил кусок и помотал головой.

— Зато я хочу.

Они перешли дорогу и зашли в маленький супермаркет за парой бутылок холодного чая. Усевшись на пластиковые стулья у входа, Цзян Чжоу в несколько глотков осушил половину бутылки, вытер пот со лба и спросил:

— У тебя же завтра есть время? Составишь мне компанию, погуляем по посёлку?

— А как же... рисование? — уточнил Цзян Си.

— Я могу отпроситься, — отмахнулся парень.

— Ты и так сегодня прогулял, — заметил мальчик.

— Ишь, какой болтливый! — Цзян Чжоу легонько ущипнул его за щёку. Кожа у Цзян Си была такой белой, что от пота казалась подтаявшими сливками. — Так что, пойдёшь со мной?

— Пой-ду, пой-ду, — с трудом выдавил Цзян Си, пока его щёку не выпустили.

— Ещё и дразнится, — засмеялся Цзян Чжоу. — У тебя есть салфетки? А то всё в поту.

— Есть, — Цзян Си отложил пакет с лепёшкой, встал и принялся выворачивать карманы. Достав всё содержимое, он пробормотал: — Ой, забыл взять.

Цзян Чжоу бесцеремонно вытер руку о его футболку на спине:

— Тогда возвращаю должок.

— Ты... ты обижаешь маленьких, — Цзян Си покосился на него и принялся собирать вещи со стола.

— Если бы я тебя обижал, ты бы все эти сокровища по карманам не прятал, — Цзян Чжоу постучал пальцами по столу. — Да и никакой ты не ребёнок, а маленький богач.

— Нет, это не мои деньги, — Цзян Си убрал всё обратно. Он решил, что обязательно вернёт сдачу доктору Тань. Совесть не позволяла оставить себе столько.

Закончив с лепёшкой, Цзян Си почувствовал, что его зубы изрядно утомились. Он решил передохнуть. Цзян Чжоу рядом уже вернулся в своё привычное состояние: сидел, небрежно закинув ногу на ногу. В нём чувствовалась врождённая уверенность и дикая, необузданная энергия. Настоящий «цепной пёс».

Но Цзян Си, видевший его и в минуты слабости, почему-то совсем его не боялся. Он придвинулся ближе и спросил:

— Теперь-то ты совсем здоров? Ничего не болит?

От этой неожиданной заботы Цзян Чжоу едва не поперхнулся чаем.

— Да я... я что, по-твоему, похож на задохлика? — выдавил он, хватаясь за горло.

— Ну, раны на лице зажили, аппендицит тоже. Больше ведь ничего не беспокоит? — серьёзно уточнил мальчик.

— Слышь, от таких слов мне прям побить тебя хочется, — проворчал Цзян Чжоу. Мастер сочувствия.

Цзян Си улыбнулся и вдруг продекламировал:

— Первое: не давай никому трогать свой компьютер. Второе: не позволяй прикасаться к гитаре. Третье: ни в коем случае не пускай никого убираться в своей комнате. — Он добавил: — Видишь, я всё помню. У меня отличная память.

Пока Цзян Чжоу пребывал в лёгком ступоре, Цзян Си спросил:

— А почему это так похоже на завещание? Если это оно, не переживай, я обязательно всё запомню и исполню.

Цзян Чжоу молчал добрую минуту, прежде чем хлопнуть мальчишку по плечу:

— Знаешь... ты первый человек в моей жизни, который...

— Что? — спросил Цзян Си.

— Который так искренне несёт всякую чушь, за которую хочется врезать, — вздохнул парень. Проблема была в том, что врезать он не мог. По этому хрупкому тельцу один раз попадёшь — костей не соберёшь.

Раз бить нельзя, пришлось провожать. Всю дорогу Цзян Си без умолку рассказывал об истории древнего посёлка Чжу. Цзян Чжоу слушал вполуха, но сам голос ребёнка казался ему забавным.

У ворот больницы Цзян Си внезапно замолчал, словно резко нажал на тормоза. Цзян Чжоу, не стесняясь, наклонился к нему и подмигнул:

— Неужто расставаться не хочешь?

Цзян Си вздрогнул.

— Вовсе нет.

Просто возвращаться в больницу не хотелось.

— Тогда не забудь завтра предупредить домашних, маленький гид, — Цзян Чжоу достал из кармана молочную ириску и протянул ему.

Точно, они же завтра увидятся! Лицо Цзян Си мгновенно посветлело, он с улыбкой принял конфету:

— Хорошо.

Обычно младший дядя приходил поздно, но сегодня он появился ещё до ужина. В палате кипел какой-то спор. Обычно в такие моменты Цзян Си просто уходил, дожидаясь, пока всё утихнет, но сегодня героем обсуждения был он сам.

—... И ты тоже не при делах? А Цзян Си на кого оставить? Опять мне? Почему старшая и вторая сёстры никогда об этом не вспоминают?! Мама, ну скажи хоть слово! Что нам делать с этим ребёнком? Я понимаю, ты зла на третью сестру, но она-то уже умерла, зачем ты сводишь счёты с покойницей? Сейчас важнее Цзян Си! Сразу говорю: у меня нет возможности содержать ещё одного ребёнка, я просто не потяну...

Ледяное молчание бабушки могло свести с ума кого угодно.

Цзян Си прислонился к стене в коридоре. Сладость ириски во рту обернулась невыносимой горечью. Он был не по годам сдержан, но далеко не глуп и прекрасно видел, как «семья» пытается от него избавиться. В такие моменты он отчаянно тосковал по дедушке — единственному человеку, который с улыбкой говорил ему: «Не бойся темноты, я рядом». Его единственному родному человеку.

Мальчик резко открыл глаза и бросился бежать. Он хотел прочь отсюда. Никому он не нужен, никто его не любит. Ну и пусть! Ему тоже не нужно жить с ними. Совсем не нужно. Он может уйти, оставить этот дом, пропитанный ледяным безразличием, уйти... уйти...

Внезапно раздался глухой удар — план побега прервался на взлёте.

Цзян Си схватился за лоб, глядя на живую стену, в которую врезался. На мгновение ему показалось, что у него двоится в глазах.

— Твою мать! У тебя ударная мощь как у маленькой ракеты. Хорошо, что я крепко на ногах стою, а то бы ты меня из здания вышиб, сечёшь?

Цзян Чжоу, морщась от боли, потирал ушибленную грудь, но уже в следующую секунду «маленькая ракета» уткнулась ему в живот, крепко обхватив руками за пояс.

— Ты... ты почему вернулся? — Цзян Си зашмыгал носом. Странно, почему этот почти незнакомый парень внушал ему такое чувство безопасности? Он уже готов был сбежать в

никуда, но внезапно наткнулся на тёплое солнце.

Цзян Чжоу не догадывался, что только что спас ребёнка от отчаянного побега. Не зная, как реагировать, он просто стоял, позволяя мальчику обнимать себя, а потом пару раз погладил его по голове:

— Да вот подумал... если я увожу чьё-то драгоценное сокровище на прогулку, надо бы хоть показаться хозяевам.

Цзян Си отстранился и шмыгнул носом:

— Ты ошибаешься.

— В чём это? — удивился парень.

«Никакое я не сокровище», — подумал мальчик, но вслух не произнёс ни слова. Цзян Чжоу лишь вздохнул:

— Эх ты, малой.

— Так вы сын госпожи Линь? — младший дядя смотрел на Цзян Чжоу с такой предупредительностью, будто перед ним был важный гость. — Ох, зачем же было беспокоиться, проходите-проходите, выпейте воды.

— Не стоит, дядя, — с улыбкой отказался Цзян Чжоу. Бабушка Цзян Си выглядела измождённой и явно собиралась спать.

Поэтому разговор переместился в коридор. Цзян Чжоу сразу перешёл к делу:

— Я здесь на пленэре, и завтра хотел бы, чтобы Цзян Си показал мне посёлок. Если вы не против, конечно.

— Цзян Си? — дядя покосился на племянника с явным сомнением. — Как бы он вам не помешал...

— Что вы, дядя, он отлично знает эти места, мне без него не справиться, — Цзян Чжоу потрепал мальчика по голове и вдруг спросил: — Кстати, а Цзян Си сегодня ночует в больнице?

— О, раз я пришёл, ему необязательно. От ребёнка всё равно толку мало, спит мёртвым сном.

Он поедет... поедет к нам домой, — дядя натянул улыбку.

— Я сейчас пойду на автобус, — тихо вставил Цзян Си.

— Это далеко? — нахмурился Цзян Чжоу.

Дядя поспешно добавил:

— Да нет, полчаса с небольшим, и на месте.

«Полчаса — и это не далеко?» — подумал Цзян Чжоу. Да там задница наполовину онемееет, пока доедешь. К тому же уже поздно, а ещё время на ожидание автобуса.

Он внезапно притянул Цзян Си к себе:

— А знаете что... пусть он сегодня у меня переночует.

<http://bllate.org/book/17532/1700511>